

Михаил Альбов

**Два момента в
развитии творчества Антона
Павловича Чехова**

Михаил Альбов

**Два момента в развитии творчества
Антон Павловича Чехова**

«Public Domain»

1903

Альбов М. Н.

Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова /
М. Н. Альбов — «Public Domain», 1903

ISBN 978-5-457-13529-1

«Просматривая том за томом бесчисленные очерки и рассказы г-на Чехова, пристально вглядываясь в них, улавливая сходные черты, вы легко поддаетесь странной иллюзии: вы уже не у себя в кабинете, а в мастерской художника, где на стенах рядами развешаны картины. Вы окидываете взглядом комнату, и прежде всего вам бросается в глаза разнообразная окраска картин. Основных тонов, по-видимому, немного. Но сколько разнообразных, неуловимых оттенков! Вот ряд картин с розовой окраской. Этот розовый цвет начинает, наконец, раздражать ваши глаза, и вы переходите к другому ряду. Здесь другая окраска, синевато-зеленая, успокаивающая, и другие картины, ласкающие, манящие. Но и в том, что раньше казалось вам розовым, вы начинаете улавливать синеватые и светло-зеленые оттенки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько таких картин!..»

ISBN 978-5-457-13529-1

© Альбов М. Н., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Альбов Михаил Нилович

Два момента в развитии творчества Антон Павловича Чехова

Просматривая том за томом бесчисленные очерки и рассказы г-на Чехова, пристально вглядываясь в них, улавливая сходные черты, вы легко поддаетесь странной иллюзии: вы уже не у себя в кабинете, а в мастерской художника, где на стенах рядами развешаны картины. Вы окидываете взглядом комнату, и прежде всего вам бросается в глаза разнообразная окраска картин. Основных тонов, по-видимому, немного. Но сколько разнообразных, неуловимых оттенков! Вот ряд картин с розовой окраской. Этот розовый цвет начинает, наконец, раздражать ваши глаза, и вы переходите к другому ряду. Здесь другая окраска, синевато-зеленая, успокаивающая, и другие картины, ласкающие, манящие. Но и в том, что раньше казалось вам розовым, вы начинаете улавливать синеватые и светло-зеленые оттенки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько таких картин! Мрачный тон утомляет и удручает вас, но теперь и то, что раньше слегка раздражало ваш глаз, начинает отливать красновато-багровым блеском... И вдруг все смешалось на ваших глазах. Розовые, синие, зеленые, темные полосы быстро мелькают одна за другой, и вы начинаете видеть все в новом, каком-то фантастическом освещении. Какая-то странная, тусклая, однообразно-серая пелена заслонила от вас живую игру цветов и их бесконечно-разнообразных оттенков. Вы встряхиваетесь, чтобы освободиться от этого странного впечатления, и догадываетесь, что художник и картины тут не при чем: это просто у вас зарябило в глазах...

Освободившись от этой странной иллюзии, вы снова начинаете, теперь уже медленно, одну за другой, рассматривать картины и легко убеждаетесь, что тут разные цвета и очень много оттенков. Вы находите дальше, что сами картины различны и по исполнению, и по значению. Тут и простые фотографии, безукоризненные по отделке, но ничего не говорящие ни уму, ни сердцу. Вы окидываете их взглядом и быстро проходите мимо. Вот целый ряд набросков, этюдов, разнообразных по содержанию, но одинаковых или схожих по теме. Вы чувствуете, что это не простые фотографии, что художник вложил в них что-то свое, лично ему принадлежащее, наложил на них печать своей нравственной личности. Но тема слегка затронута, с какой-нибудь одной стороны, или в разных картинах с разных, но близких сторон, и вы, чувствуя легкую досаду и неудовлетворенность, проходите дальше. И вдруг вы остановились перед картиной, которая сразу поразила вас и надолго приковала к себе. Картина как будто знакома вам. Линии, краски, фигуры, положения – все это вы раньше видели на фотографиях и набросках. Но в них есть что-то новое, одухотворенное. То же лицо, но иначе смотрит. Вы пристально всматриваетесь в подробности, заходите с разных сторон и наконец угадываете замысел художника. То, что раньше слегка тревожило вас, здесь, возведенное в перл создания, озарилось новой красотой, и вы испытываете чувство полного, глубокого удовлетворения, и многое из раньше виденного, но незамеченного или непонятого, всплывает в вашем сознании и становится ясным. Идете дальше – и опять наброски, этюды, но здесь уже другая тема; и снова картина, глубокая, одухотворенная. Весь процесс творчества художника в своих результатах проходит перед вами, и на примере г-на Чехова очень удобно вы можете проследить развитие, постепенный рост художественного таланта.

Но не только художественного таланта. Глеб Успенский в своей автобиографической записке писал, что его биография – это его сочинения. С таким же правом это может сказать про себя г-н Чехов. По крайней мере, то, что больше всего интересует нас в биографии писателя – его духовная личность, ее постепенный рост, его думы, настроение, мировоззрение – все это, несмотря на всю сдержанность и корректность г-на Чехова, а порой и неясность

его полупризнаний, достаточно отразилось в его произведениях. Правда, у него нет ничего кричащего, резкого, бьющего в глаза. Вы не услышите от него ни воплей, ни рыданий, ни негодующего крика, ни презрительного смеха. И когда он рисует наиболее отвратительные типы, по-видимому, он совершенно спокоен, как будто делает дело, лично ему совершенно чуждое, постороннее. Но это спокойствие – просто сдержанность воспитанного человека, за которой скрывается натура, глубоко чувствующая, тоскующая, страстно чего-то ищущая. Стоит только взять его почти любое описание природы, которая смеется, плачет, тоскует, томится, чтобы составить о нем представление как о писателе глубоко субъективном. В сущности, его произведения есть история его души, сначала беспечной, потом глубоко тоскующей и наконец, по-видимому, нашедшей удовлетворение. Со временем, конечно, биография даст нам настоящий ключ к всестороннему пониманию его произведений. Но пока что будет, попытаемся только на основании его произведений отметить главнейшие моменты в его развитии.

I

А. П. Чехов начал свою литературную деятельность очень мелкими, иногда миниатюрными, в страничку или две, очерками, которые собраны теперь в первых трех томах издания Маркса. Это изящные, тщательно обработанные безделушки, хотя встречаются рассказы и малообработанные, представляющие, очевидно, черновые наброски. Встречаются и такие рассказы, где фантазия автора и наблюденные черты действительности не слиты органически, а лежат полосами друг возле друга, как две химически несходные жидкости. Таких рассказов, впрочем, мало. Зато почти все написаны просто так, *pour rire*, чтобы позабавить читателя. Напрасно мы стали бы искать здесь определенное мировоззрение художника, но есть то, что принято называть настроением.

Преобладающее настроение автора за этот период его деятельности можно сравнить с теми чувствами, которые испытывает турист, в первый раз отправляясь путешествовать в какую-нибудь незнакомую страну просто для развлечения или отдыха. Сколько там нового, интересного, любопытного! Какие виды, костюмы, типы! Какие странные и смешные обычаи, сколько вообще занимательного, любопытного! И он все одинаково осматривает, ему одинаково любопытно и ничтожное и важное. Но, не зная страны, он по всему скользит беглым взглядом, ни во что не всматривается пристально, ко всему относится с легкой иронией. Ему все любопытно и ничто в частности не успело его заинтересовать. Приблизительно такое же настроение было и у г-на Чехова в первое время. На литературное поприще он вступил, как турист без всяких претензий. Бегло схватит какое-нибудь душевное движение или вообще явление жизни, вставит его в изящную рамку и любитесь им или смеется над ним то заразительно весело, то слегка иронически. Вместе с ним любитесь и смеется читатель. Да и как не любоваться, когда все это так красиво выходит! И как не смеяться, когда, в сущности, в жизни так много смешного, особенно в той серенькой, будничной жизни, которую изображает г-н Чехов. Сколько смешного расскажут про себя или друг про друга ее незаметные ничтожные герои – все эти пьяненькие, праздноболтающие, мелочно-самолюбивые, глуповатые, глупенькие и дубинноголовые, эти дамочки, порхающие, интригующие, неугомонно щебечущие. Какие все это смешные уроды, какие чудачки! В этом беззаботном смехе, который звучит почти в каждом рассказе, для г-на Чехова характерно именно то, что здесь смехом все начинается и смехом кончается, подобно тому, как это было с Гоголем в первое время его литературной деятельности. В этом смехе нет нравственного элемента, и его миниатюрные комедии, в сущности, настоящие водевили. Редко среди этого смеха раздается грустная нота и очень редко она переходит в мрачное настроение, за которым чувствуется глубокая драма.

С течением времени эта, изредка звучащая, безотрадная нотка раздается все чаще и чаще и становится интенсивнее. Это уже заметно на второй половине третьего тома. В рассказах четвертого и пятого томов от прежнего беззаботного настроения не остается и следа. Как в настроении, так и в других сторонах его творчества происходит какой-то перелом или, вернее, болезненный надлом. Прежний балагур-рассказчик, о чем-то загрустил и глубоко задумался. Даже когда он, по старой привычке, собирается пошутить, впадает в прежний тон, то шутка выходит какою-то странною, тяжелою, неуместною, словно пошутили в комнате, где лежит труднобольной («Ванька»). Что же такое случилось?

Может быть, лично с ним случилось что-нибудь такое, что заставило его призадуматься; может быть, жизнь, с которою он все больше знакомился, утомила его своим однообразием, как та безграничная степь, которую он описал с таким безнадежно-тоскливым настроением; может быть, он увидел, что в жизни далеко не все так понятно и просто, как кажется с первого взгляда. С настроением беспечного туриста прогуливаясь по палестинам родной действительности, все расширяя круг своих наблюдений, ближе присматриваясь к

действительности, он не мог не заметить, что в жизни уж вовсе не так много смешного, как это кажется человеку, у которого бьющее через края веселье молодости окрашивает все в розовый цвет. Сама жизнь, изображаемая им, не могла не показать ему, как часто смех и слезы идут рука об руку, и как часто за тем, что кажется смешным с первого взгляда, скрывается глубокая драма. Но, несомненно, немалую долю влияния оказал на него и тот переворот в настроении и миропонимании общества, который начинался в конце 70-х годов. Вот как говорит об этом перевороте один из его персонажей. Тогда новое миропонимание «начинало входить в моду публики и потом в начале 80-х годов из публики стало переходить в литературу, науку и политику. Мне было тогда не больше 26-ти лет, но я уже отлично знал, что жизнь бесцельна и не имеет смысла, что все обман и иллюзия, что по существу и результатам каторжная жизнь на острове Сахалине ничем не отличается от жизни в Ницце, что разница между мозгом Канта и мозгом мухи не имеет существенного значения, что никто на этом свете ни прав, ни виноват» («Огни»). По всей вероятности, эта новая волна и захватила г-на Чехова. По крайней мере, «красивая, сочная мысль о бесцельности жизни и загробных потемках», с ее уродливыми крайностями, полной безвыходностью и пустотой, несомненно отразилась на его творчестве. Так, например, рассказ «Поцелуй» как будто нарочно выдуман на заранее составленную тему – о бессмысленности жизни. Здесь рассказывается, как один поручик, Рябович, под влиянием случайно и ошибкой полученного им поцелуя, целое лето мечтал о любви, о «ней», о семейной жизни, как он нетерпеливо ждал, что на возвратном пути он встретится с прекрасною незнакомкой, и как из этого ничего не вышло по той простой и понятной причине, что его никто не ждал и им никто не интересовался. Странный рассказ, не правда ли? Но этот, несомненно, вымышленный рассказ нужен был г-ну Чехову, чтобы оправдать те мысли, которым предается разочарованный поручик. Стоя на берегу речки, он думал: «Вода бежала неизвестно куда и зачем. Бежала она таким же образом и в мае; из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь и, быть может, она, та же самая вода, опять бежит перед глазами Рябовича... К чему? Зачем? И весь мир, вся жизнь показались Рябовичу непонятною, бесцельною мистификацией».

Герой рассказа «Пари» презирает все человечество, со всеми его великими и малыми делами, великими и малыми мыслями и на том единственном основании, что, в конце концов, все исчезнет и сам земной шар обратится в ледяную глыбу. В рассказе «Перекасти-поле», описывая скитальца, который искал оправдания своей беспокойной жизни, и раздумывая о том, как много на Руси подобных скитальцев, г-н Чехов «воображал себе, как бы обрадовались все эти люди, если бы нашлись разум и язык, которые сумели бы доказать им, что их жизнь так же мало нуждается в оправдании, как и всякая другая». Из подобных мыслей и отдельных замечаний, описаний в ранних произведениях г-на Чехова, например, в рассказах «Степь», «Счастье» и др., можно бы набрать целый букет.

Трудно по одним рассказам, лишенным к тому же хронологических помет¹, при отсутствии других биографических данных, проследить, как подобное миропонимание или, лучше, миронепонимание повлияло на молодого писателя. Насколько сильно все-таки было это влияние, показывает то обстоятельство, что следы его остаются на нем до сих пор.

¹ Было бы желательно, чтобы г-н Чехов к одному из последующих томов своих сочинений приложил хронологический указатель. Насколько можно судить, в издании г-на Маркса сочинения расположены в хронологическом порядке, хотя этот порядок и не везде выдержан. Некоторые рассказы не вошли в собрание – «Отставной раб», «Огни». Местами, очевидно, изменена редакция. Я имею в виду одно место в рассказе «Три года», где редакция изменена неудачно. Юлия Сергеевна, одно из действующих лиц в рассказе, любит картину на выставке. «На переднем плане речка, через нее бревенчатый мостик, на том берегу тропинка, исчезающая в темной траве, поля, потом справа кусочек леса. А вдали догорает вечерняя заря». Юлия вообразила, «что если все идти и идти по тропинке, то захочется вечной жизни». Это в первой редакции («Русская мысль» 1895 г.). В издании Маркса последняя фраза, удачная и простая, заменена другою, неясною и неудачною: «Там, где была вечерняя заря, покоилось отражение чего-то неземного, вечного».

Именно до сих пор осталась у него привычка на все смотреть под известным углом зрения, не с точки зрения причины и следствия или какой-нибудь моральной точки зрения, а с точки зрения смысла и цели. Хорош поступок или дурен, красиво явление или безобразно, понятно или нет – г-н Чехов, прежде всего, ищет в них *смысла и цели*. Это, за первыми мимолетными набросками, и есть рано определившаяся специально *чеховская* точка зрения на вещи.

Указанное настроение, овладевшее г-ном Чеховым, и по тону, и по интенсивности далеко не однообразно. Иногда это просто грусть, порой глубокая грусть.

Вот, например, как жалуется степная трава на свою безвременно погибшую жизнь. «Она, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну, она уверяла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивою, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя». («Степь»). И это прекрасное место можно бы прямо поставить эпиграфом ко многим произведениям г-на Чехова.

Иногда слышится глубокая, затаенная тоска по идеалу, которому нет места на земле, тоска по скрытой в жизни красоте, мимо которой равнодушно проходят люди и которая гибнет никому не нужная и никем не воспетая. Вспомним, например, описание ночи в «Степи», или другой его рассказ «Красавицы».

Эта тоска по идеалу слышится и в других рассказах, о чем мы еще будем говорить.

Временами писателем овладевает скука, уныние, какое-то подавленное настроение, происходящее от сознания пустоты и бесцельности жизни, от чувства глубокого одиночества, потерянности человека с его мечтами, порывами среди безграничного мира, который, может быть, таит в себе глубокие тайны, может быть, не имеет никаких особенных тайн, но и в том, и в другом случае одинаково непонятного человеку, равнодушного к нему, порой бессмысленно грубого и жестокого.

В других сторонах творчества писателя происходят также значительные перемены, появляются новые черты. В это именно время вырабатывается своеобразный, чисто «чеховский», пунктирный стиль. Сами рассказы становятся значительно больше по объему и гораздо продуманнее. Из массы случайных, ничем не связанных друг с другом произведений, начинает заметно выделяться та общая тема, которая под конец периода, именно в рассказах 6-го и 8-го томов, почти всецело овладевает писателем.

Чтобы выяснить эту общую тему, а также отчасти найти, чем вызывалось и поддерживалось новое настроение автора, нужно всмотреться в типы и персонажи, созданные г-ном Чеховым за указанное время, и с этой целью их довольно удобно можно соединить в несколько групп.

Животная сторона в человеке, кажется, раньше всего и сильнее всего поразила г-на Чехова. Припомните, например, один из первых его рассказов: «Сирену». По более позднему рассказу «Тиф» мы можем проследить, как сменяется настроение человека под влиянием больного, а потом выздоравливающего организма. Но особенно г-н Чехов мастер рисовать цельные звериные, животные фигуры. Таков, например, Вася в рассказе «Степь». Когда он заглянул в ведро с рыбой, «глаза его замаслились, и лицо стало сентиментальным... Он вынул что-то из ведра, поднес ко рту и стал жевать. Послышалось хрустенье.

– Братцы, – удивился Степка, – Васька пескаря живьем ест! Тьфу!

– Это не пескаря, а бобырик, – покойно отвечал Вася, продолжая жевать. Он вынул изо рта рыбий хвостик, ласково поглядел на него и опять сунул в рот. Пока он жевал и хрустел зубами, Егорушке казалось, что он видит перед собой не человека. Пухлый подбородок Васи, его тусклые глаза, необыкновенно острое зрение, рыбий хвостик во рту и ласковость, с какою он жевал пескаря, делали его похожим на животное».

Таков и старый чабан («Счастье») со своими «овечьими думами» о счастье в виде кладов, зарытых в земле. На вопрос парня Саньки, что он будет делать с кладом, если найдет его, старик не сумел ответить.

«— Я-то? — усмехнулся старик. — Гм... только бы найти, я-то... показал бы я всем кузькину мать... Гм... Знаю, что делать...»

За всю жизнь этот вопрос представлялся ему в это утро, вероятно, впервые, а судя по выражению лица, легкомысленному и безразличному, не казался ему важным и достойным размышления». Старик стоит и думает свои бессмысленные думы. Но ведь и «овцы также думали». «Их мысли, длительные и тягучие, вызываемые представлениями только о широкой степи и небе, о днях и ночах, вероятно, поражали и угнетали их до бесчувствия».

Такова, дальше, горничная Поля в «Рассказе неизвестного человека». У этой упитанной, избалованной, «цельной, вполне законченной натуры не было ни Бога, ни совести, ни законов», и если бы понадобилось «убить, поджечь или украсть», то нельзя было бы «лучшего сообщника». Или в том же рассказе — Кукушкин, «человек с манерами ящерицы». Такова княгиня («Княгиня»), порхающая «птичка», в которой даже суровые, жаркие слова доктора не могли пробудить ничего человеческого; или этот Рашевич («В усадьбе») — «жаба», каждое слово которого «дышит злобой и комедиантством»; или Ариадна («Ариадна») — натура чувственная, прожорливая, лукавая. «Она хитрила постоянно, каждую минуту, по-видимому без всякой надобности, а как бы по инстинкту, по тем же убеждениям, по каким воробей чирикает, или таракан шевелит усами». Это «самка», главной целью которой было нравиться самцу и уметь «победить» этого самца.

А вот в рассказе «Супруга» на семейной фотографии доктора целая звериная группа: «Тесть, теща, его жена Ольга Дмитриевна... Тесть — бритый, пухлый, водяночный тайный советник, хитрый и жадный до денег; теща — полная дама с мелкими и хищными чертами, как у хорька, безумно любящая свою дочь и во всем помогающая ей; если бы дочь душила человека, то мать не сказала бы ей ни слова и только заслонила бы ее своим подолом. У Ольги Дмитриевны тоже мелкие и хищные черты лица, но более выразительные и смелые, чем у матери, это уже не хорек, а зверь покрупнее!»

Припомните затем героя рассказа «Крыжовник», который вот-вот «хрюкнет в одеяло», Наташу в «Трех сестрах» — это «шершавое животное», или Аксинью «В овраге» с ее наивными, немигающими глазами, с маленькою головкой на длинной шее и стройною фигурой, глядевшей, «как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову».

Все это, очевидно, явления одного и того же порядка. И этот старый чабан, и Вася, и Поля, Рашевич, Аксинья и все они — люди-звери, люди-животные, с их чисто животною, и потому, с точки зрения г-на Чехова, бессмысленной психологией, ничем не отличаются, например, от этих овец, которые «тоже думают», от этих грачей, которые летают, неизвестно зачем, но повинаясь инстинкту, — даже больше, ничем не отличаются от этих «свирепых и безобразных» волн «жестокого, бессмысленного» моря, из которых «всякая старается подняться выше всех и давит, и гонит другую»; они готовы пожрать всех людей, «не разбирая святых и грешных» («Гусев»). Обратите внимание на эти эпитеты — жаба, хорек, ящерица, птичка, овечьи мысли, гадюка, которыми г-н Чехов любит характеризовать подобных персонажей. Если проследить по рассказам их психологию, то в ней не окажется ничего чисто человеческого, разумного. Это совершенно цельные, звериные фигуры, иногда более ловкие, умные и жестокие, чем те зверьки, которых они напоминают. Они воруют, убивают, лукавят, дышат ненавистью и злобой, они способны на все, и в их душе, ограниченной инстинктами, не возникает даже вопроса, зачем они так делают и вообще зачем они живут, как подобный вопрос не может возникнуть, например, у собаки. Они стоят ниже этой границы, которая,

с точки зрения г-на Чехова, отделяет человеческое, осмысленное, разумное от животного, бесцельного, бессмысленного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.